

ОЛОВЯНИШНИКОВ С. П. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ОЛОВЯНИШНИКОВ Пантелеймон Сергеевич (из купцов). Учился в университете, с 1911 — работал на лакокрасочном заводе в Ярославле. С началом Первой мировой войны призван в армию, как прапорщик запаса. В марте 1917 — после демобилизации вернулся в Ярославль, работал на лакокрасочном заводе. В 1918 — призван в Красную армию, воевал на Восточном и Южном фронтах в составе 1-го Ярославского понтонного батальона. В 1920-х — по окончании гражданской войны работал по своей специальности на заводах в Ярославле, затем — Ленинграде. С первой женой в разводе, женат вторым браком. 5 марта 1935 — арестован, 9 марта освобожден, подписав документы о выезде с семьей в Иргиз Актюбинской области. 14 марта покончил с собой (повесился).

ОЛОВЯНИШНИКОВ Сергей Пантелеймонович, родился в 1910. В 1928 — окончил школу, с весны 1929 — работал уборщиком в минеральной лаборатории Технологического института, с осени — на заводе "Красный химик", начиная с чернорабочего и до башенщика 6-го разряда. В феврале 1933 — призван в армию, в январе 1934 — после демобилизации вернулся на завод. Летом 1934 — поступил на математический факультет Ленинградского государственного университета. 20 марта 1935 — выслан с женой отца и ее матерью в Уфу на 5 лет. Работал чернорабочим, арматурщиком, станочником на строительстве, с марта 1936 — чертежником в проектно бюро дорожного отдела Горкомхоза.

В ноябре 1936 — обратился за помощью к Е. П. Пешковой.

<8 октября 1936>

«Екатерина Павловна!

Простите, если я обращаюсь к Вам не по адресу, но я слышал, что Вы можете помочь и в моем деле. Я очень прошу Вас внимательно прочитать мое, может быть, слишком длинное письмо, и сделать, что будет в ваших возможностях, хотя бы только посоветовать, что мне самому можно предпринять.

Я, как и многие другие, был выслан в марте 1935 года из Ленинграда и нахожусь сейчас в Уфе на положении административно ссыльного. В чем настоящая причина моей высылки, я до сих пор точно не знаю. В первых числах марта (5 марта рано утром) неожиданно был арестован мой отец; через три дня он вернулся и рассказывал, что во время допроса больше всего было обращено внимания на выяснение того, какая была его последняя должность во время мировой войны в царской армии — поручик или штабс-капитан. Я помню, что и меня спрашивали во время обыска и ареста отца, был ли отец штабс-капитаном. Кадровым офицером он никогда не был, а был только взят в армию во время мировой войны; в этом, конечно, нет ничего предосудительного, да и разница между поручиком и штабс-капитаном, кажется, не так уж велика, но его, видимо, заподозрили в том, что он, действительно, будто бы был штабс-капитаном и скрывал это. Одним словом, когда он 9 марта явился в НКВД за получением своих документов, ему вручили предписание 14-го числа выехать в гор<од> Иргиз с семьей, в составе которой был и я. Мой отец по происхождению был из купцов, даже из крупных купцов, но он еще 4-х лет остался без отца и с 1911 года, не кончив университет, стал работать служащим на лакокрасочном заводе в гор<оде> Ярославле. В 1914 году его взяли, как прапорщика запаса, в действующую армию, где он и пробыл

до роспуска армии после Октябрьской революции. Вернувшись в Ярославль, он снова стал работать на том же заводе, уже государственном, а с первым призывом в Красную Армию был зачислен в 1-ый Ярославский понтонный батальон и прослужил в нем до окончания гражданской войны, сперва на Колчаковском, потом на южном фронте. После гражданской войны он опять все время работал в различных организациях по лакокрасочной промышленности, сперва в Ярославле, а потом в Ленинграде, и стал хорошим специалистом в своей области. Я всегда считал его (да, пожалуй, и не только я) очень честным и добросовестным работником. Последнее время он уже сильно постарел и ослабел здоровьем, но не считался со временем и работал с утра до вечера. Но при известии о высылке, у него все же не хватило сил спокойно перенести этот удар. Я его не хочу оправдывать, но мне его очень жалко и память о нем у меня сохранилась хорошая. Ну, одним словом... накануне назначенного дня отъезда он повесился... Особоуполномоченный НКВД дал отсрочку на 5 дней и заменил нам Иргиз Уфой, куда я и выехал вместе с женой отца и ее 56-летней матерью и с 13-летним братом.

Да, надо ведь рассказать немного и о себе. Я учился в школе, сперва в Ярославле, потом в Ленинграде; в 1928 году кончил 9-летку (я 1910 года рождения, так что мне теперь скоро будет 26 лет). Окончив школу, я хотел поступить в Ленинградский Университет, на математическое отделение физмата, так как сильно интересовался математикой. Но немножко "засыпавшись" на устной литературе — последнем экзамене, не был принят. После этого гулял первое время без работы, потом, весной 1929 года, поступил уборщиком в минеральную лабораторию Технологического института, а оттуда осенью того же года перешел на завод "Красный химик", где работал, начиная с чернорабочего и до башенщика 6-ого разряда (на производстве серной кислоты). На заводе я вступил в профсоюз, затем в комсомол. Сильно увлекся газетной работой. Я еще в школе ею интересовался, а здесь я сразу попал работать в цех вместе с редактором заводской газеты и понемногу втянулся в это дело серьезно. Потом я даже работал одно время и на освобожденной работе в заводской газете — тех<ническим> редактором и массовиком. Порядочно поработал и в комсомольской организации. С февраля 1933 года ушел в Красную Армию и служил до января 1934 года в 20-м Арт<иллерийском> полку, в батарее одногодичников; сдал экзамен на ком<андира> взвода запаса и получил от нач<альника> артиллерии Л<енинградского> В<оенного> О<круга> значок "за отличную подготовку". Потом вернулся снова на "Красный химик" и работал в сернокислотном цеху. Весной 1934 года, прочитав в "Смене" об организации математической олимпиады, я решил попробовать свои силы снова на математике, которую я уже давно забросил. Ну, и получилось неожиданно для меня так, что я вышел на этой олимпиаде победителем. После этого уж, само собой разумеется, я решил заняться учебой и поступил в ЛГУ им<ени> Бубнова на математический факультет. Не обошлось дело при этом без больших разговоров и споров, т<ак> к<ак> комсомольская организация не хотела меня отпускать, как члена комитета. Но помогла опять-таки "Смена" и райком ВЛКСМ.

В Университете мне очень понравилось; никогда еще раньше мне не приходилось так много и так глубоко заниматься математикой; все это было ужасно интересно и давалось мне очень легко. Вместе с тем я был комсоргом группы и выпускал групповой бюллетень, который выходил у меня очень удачным. Но, вдруг, произошли все эти события, и пришлось ехать в Уфу, чувствуя к себе отношение не то как к преступнику, не то как к классовому врагу...

Когда отца арестовали, я сразу рассказал об этом своему парторгу и секретарю комитета ВЛКСМ. На другой день на собрании I курса

постановили исключить меня из комсомола и ходатайствовать об исключении из Университета. Я забыл еще Вам сказать, что в анкете при поступлении в Университет у меня хотя и было сказано о купеческом происхождении отца, но на вопрос о том, где он был во время мировой войны, я ответил только, что он был на фронте, не упомянув, что он был офицер. Это, конечно, была моя большая ошибка, хотя и не умышленная.

Меня исключили за сокрытие социального происхождения. Но я никогда не забуду, как отнесся ко мне комитет комсомола, когда на пленуме комитета разбирался вопрос о моем исключении; это было уже тогда, когда стало известно, что меня высылают. Секретарь комитета сказал мне: "Ты сам понимаешь, Сергей, свою вину, и мы тебя не можем оставить в рядах комсомольской организации. Но, все же, мы считаем, что работал ты в комсомоле добросовестно. Хотя тебя и высылают, но ты все же остаешься таким же гражданином Советского Союза. У тебя есть способности, говорят даже талант, и ты сумеешь работать и пробить себе дорогу, хотя это будет труднее, чем раньше".

Мне было очень больно расставаться со своим комсомольским билетом, но вместе с тем хотелось чуть не до потолка прыгать от того, что меня считают не подлецом, а настоящим человеком, которому можно верить. Я сказал спасибо за такое отношение и обещал хорошенько работать в каких бы то ни было условиях. Также хорошо отнеслись ко мне и профсоюзная организация; когда я принес свой союзный билет в профком, чтобы сдать его, если меня исключат из союза, то мне через день его вернули, сказав, что я остаюсь таким же полноправным гражданином, и из профсоюза меня не исключают.

Приехав в Уфу, я поступил на постройку чернорабочим, т^{ак} к^{ак} химической промышленности здесь совсем нет, а чертежником (я умел немного чертить) меня не приняли. На постройке я проработал до конца февраля 1936 года, т^о е^{сть} почти год и приобрел квалификацию арматурщика и станочника (на строгальном станке по дереву), а с 1-го марта поступил чертежником в Горкомхоз, в проектное бюро дорожного отдела. Теперь уже я стал хорошим чертежником, а в настоящее время даже выполняю работу техника. Надо сказать, что отношение ко мне и к моей работе я встречал очень хорошее, совершенно независимое от того, что я ссыльный, и в этом отношении я чувствовал себя и на постройке, и в проектном бюро таким же гражданином, как и все другие. Но все же очень часто приходится сталкиваться с такими случаями, которые постоянно напоминают мне о том недоверии, с которым ко мне относятся. Каждый месяц я должен ходить в НКВД для регистрации. На военный учет меня сперва приняли, а затем отобрали военный билет впредь до получения паспорта, и теперь я не числюсь даже хоть в тыловом ополчении. То же самое получилось и с профсоюзной организацией: в течение полугода я состоял на учете в Союзе Строителей, но потом вдруг билет у меня отобрали. В других организациях такие же высланные, как и я, до сих пор еще состоят членами профсоюза. Я ходил за разъяснением в горком Союза, а затем в секцию строителей Баш^{кирского} проф^{союзного} совета, и мне ответили, что вначале была допущена ошибка, а на самом деле я в профсоюзе состоять не имею права. На днях я хотел подать заявление о поступлении в заочный сектор педагогического института на физмат, но мне сказали, что нельзя. Даже на мое желание взяться руководить математическим кружком у брата в школе (в порядке родительской нагрузки) — мне ответили отказом. Я, конечно, понимаю, что в таких обстоятельствах должно быть недоверие к человеку, но, честное слово, я этого не заслужил! Неужели НКВД не займется когда-нибудь подробно моим делом и не разрешит его? Ужасно обидно, что большинство молодежи уже получили освобождение и вернулись в

Ленинград, а я еще до сих пор сижу здесь. Может быть, я и сам в этом виноват, так как мало напоминал о себе. У меня нет никаких документов, и поэтому я не мог никуда послать обоснованного заявления. Да и, вообще, какая была бы цена добытым откуда-то мною самим бумажкам? Уж лучше пусть НКВД само соберет обо мне все достоверные сведения; ведь в его распоряжении все для этого имеется, и это не так трудно сделать. А мне добыть сейчас из Ленинграда какие-нибудь документы трудно. Даже из Университета я до сих пор не могу получить своих документов. На мои запросы мне их не выслали, по доверенности тоже не выдали; я пробовал запросить их через НКВД, но там в течение полугода тоже не получили никакого ответа и, в конце концов, отказались вообще заниматься этим делом. Теперь я даже не знаю, каким порядком получать эти документы (а они все же нужны: метрика, удостоверение об окончании школы, справка о работе и т<ак> д<алее>).

А без документов, что же я могу написать? Один раз только, в феврале этого года, услышав, что около 20 человек молодежи послали телеграмму тов<арищу> Сталину и через несколько дней получили ответ об освобождении, — я тоже решился истратить половину полочки и послал подробную телеграмму тов<арищу> Сталину и тов<арищу> Ягоде. Вскоре после этого я получил из Ленинграда письмо о том, что комитет ВЛКСМ и дирекция Университета хотят ходатайствовать о моем возвращении. Я сразу же послал письмо директору ЛГУ тов<арищу> Лазуркину и чувствовал себя уже одной ногой в Ленинграде. Перед 1-м мая, когда люди получали освобождения целыми партиями, я радовался, как ребенок, вместе с уезжающими. Но время идет, а я до сих пор не получаю никакого ответа. Моя телеграмма, видимо, затерялась среди целой кучи других, посыпавшихся в то время со всех сторон. А из Университета, как я узнал недавно, так никуда ничего и не послали, хотя и составили обо мне характеристику. И я по-прежнему здесь сижу и не знаю, скоро ли вернусь.

А время идет...

Так вот, видите ли, какое дело у меня получается: в результате такой неопределенности моего положения я не могу, как следует, серьезно заняться каким-нибудь делом, и это меня очень мучает. Чертежное и вообще дорожное дело я до сих пор не могу решиться назвать своей основной специальностью — очень уж оно простое, однообразное, и, главное, нет в нем почти никакой математики. Конечно, можно было бы найти интерес в каждом деле, если вникнуть в него глубоко и серьезно, т<о> е<сть> отдать этому делу все свое время и способности.

Но я пока не теряю еще надежды, что смогу избрать своей специальностью математику. Это мне страшно хочется. И все другие дела я откладываю и откладываю на второй план (хотя, конечно, работаю я добросовестно, но и только). Но, посудите сами, как гнусно заниматься даже любимым делом, когда эти занятия только для самого себя, когда не имеешь возможности ни учиться, ни применить своих математических знаний на практике, ни даже поговорить с кем-нибудь; у меня здесь нет ни одного знакомого, интересующегося математикой!

Скорее надо разрешить этот вопрос: или оставаться надолго в прежнем положении — тогда надо бросать математику и заняться дорожным делом на практике; или ждать в ближайшем будущем освобождения, иначе же никакого интереса нет изображать из себя никому не нужные математические консервы.

Я очень прошу Вас помочь мне разрешить этот вопрос. Если у Вас будет время, напишите, что Вы об этом думаете. А если Вы считаете, что надо хлопотать об освобождении, то помогите мне и в этом. Знаете, я ужасно не люблю собирать всякого рода справки о своей хорошей работе или расписывать свои хорошие качества и оправдываться, в особенности,

когда ко мне относятся с недоверием. Может быть, Вы убедите НКВД запросить обо мне все сведения; или даже сами сумеете выцарапать необходимые характеристики из Университета, с завода "Красный химик" и с прочих мест моей работы; их не так много.

Если Вы мне возьметесь чем-нибудь помочь — я Вам крепко, крепко руку пожму в благодарность.

8/Х-36 г<ода>.

Оловянишников.

Р. С. Простите, я и забыл написать целый ряд необходимых сведений:

1) Отец мой — Оловянишников Пантелеймон Сергеевич — работал последнее время в "Лакокрасснабсбыте"; Ленинград, набережн<ая> Красного флота, 16; прежний адрес нашего жительства: Ленинград, Петрогр<адская> сторона, Малый пр<оспект>, 1/3, кв. 33.

2) Я сам — Оловянишников Сергей Пантелеймонович, с 1929 года работал на з<аво>де "Красный химик"; Ленинград, Кировский р<айо>н, Химический пер<еулок>, 5;

С февраля 1933 г<ода> по февраль 1934 г<ода> служил в 20-м Арт<иллерийском> полку в Ленинграде;

С осени 1934 года учился в Ленинградском Государственном университете имени А. С. Бубнова, на I курсе факультета математики и механики; адрес: г<ород> Ленингр<ад>, Университетская набережная, В<асильевский> О<стров>, дом № 7/9;

№ дела при поступлении был 1444. Директор ЛГУ тов<арищ> Лазуркин, Секретарь комитета ВЛКСМ тов<арищ> Липис.

В Уфе первое время (с 10/VI-35 г<ода> по 29/II-36 г<ода>) работал на строительстве Дома Кооперации, ул<ица> Зенцова, 26.

Теперь работаю в проектном бюро Дорожного Отдела Горкомхоза, Уфа, ул<ица> Карла Маркса, 20, комн<ата> 26.

Проживаю в настоящее время по адресу: Уфа, 7, ул<ица> Р<озы> Люксембург, д<ом> № 23.

В случае надобности, у меня в Москве проживает сестра с матерью — Надежда Пантелеймоновна Аграненко, Малая Бронная, 32, кв. 13.

Если понадобится удостоверить, что я был победителем математической олимпиады — можно даже взять хоть "Правду" или "Известия", как будто за 5 мая 1934 года, там есть маленькая заметка.

Если потребуются какие-либо почтовые и прочие расходы, я сейчас же все оплачу, т<ак> к<ак> зарабатываю я сейчас очень прилично, а на первый случай посылаю несколько марок.

Как будто все

Всего хорошего С. Оловянишников»¹.

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1501. С. 6-15. Автограф.